

В моменты душевных терзаний дверь бара распахнули снаружи, и внутрь вошел молодой человек с холодным, суровым лицом.

Незнакомец.

Между своими, как говорят, существует таинственная связь, и в бескрайнем море людей достаточно одного взгляда, чтобы понять, свой ты человек или нет.

В баре часто случалось, что гетеросексуалы заходили по ошибке. Баобао, который много лет плавал в гей-море, пристально взгляделся в вошедшего, но полминуты не мог понять, натурал он или гей — взгляды просто не пересеклись.

Этот мужчина не оглядывался по сторонам, как это обычно делают новички. Он стоял словно человеко-скульптура, совершенно неподвижно, и казалось, что оглушительная музыка и шумные голоса существовали в другом пространстве, недостижимом для него.

Заметив нового гостя, многие любопытные взгляды устремились в его сторону. Он, казалось, это почувствовал и приоткрыл глаза.

Баобао, носивший контактные линзы и очки для чтения, прекрасно видел: этот взгляд был так же холоден, как и сам мужчина, и невольно навевал мысли о густом тумане, что годами не рассеивается в глубоких горных ущельях.

Достаточно круто. Достаточно холодно.

Баобао многозначительно посмотрел на Цинь Суна, размышляя, подойдет ли этот человек ему по вкусу, но его вопрошающий взгляд ударился о пустоту.

Глаза Цинь Суна были затуманены, он блаженно улыбался, глядя на пустой бокал на столе, и совершенно не заметил, что в баре появился новый гость.

Баобао вздохнул. Зная Цинь Суна, он понимал: стоит тому принять такое выражение лица, как на какое-то время он становится полным идиотом.

Он поманил рукой, предлагая официанту узнать, в чем дело.

Через минуту мужчину подвели к нему, и официант сообщил:

— Босс, это певец на прослушивание.

Баобао немного разочаровался. Оказывается, это не гость.

Он критически осмотрел кандидата. Чтобы работать певцом в гей-баре, мало хорошо уметь петь, нужно еще и выглядеть достойно. И визуальное, и слуховое наслаждение — вот идеал.

Через мгновение он кивнул с одобрением, принял важный вид хозяина и неспешно спросил:

— Как тебя зовут? Работал певцом в других барах?

Мужчина ответил тремя словами и покачал головой:

— Бай Цзиньинь.

Ни уважения к потенциальному боссу, ни улыбки — это немного раздражало.

Но образ успешного человека нельзя было так легко разрушать. Баобао великодушно махнул рукой:

— Отведи его на сцену, пусть споет что-нибудь.

Бай Цзиньинь проследовал за ним. Вокруг метались взгляды — от простого любопытства до откровенного домогательства, словно рентгеновские лучи. Будь он обычным мужчиной, он бы наверняка понял их смысл. Но, к сожалению, в глазах Повелителя Скелетов Бай Цзиньиня разница между мужчиной и женщиной заключалась лишь в том, чей скелет больше и прочнее.

Сцена была невелика. В центре, под стойкой микрофона, стояла электрогитара с деревянной фактурой.

Официант жестом предложил пользоваться и отошел. Бай Цзиньинь кивнул, и вдруг его охватило странное чувство дежавю. Эта сцена словно уже происходила. Он стоял на гораздо большей сцене, страстно пел, а внизу, под ним, десятки тысяч людей аплодировали и кричали от восторга.

Он невольно взял гитару, левой рукой скользил по грифу, а правая двигалась так быстро, что создавала почти зрительный фантом, и в шумном воздухе бара внезапно разнеслось яростное, свободное соло.

Мастерство видно сразу. Почти все певцы, играющие на гитаре сами, любят начинать с соло. Привычки и вкусы у всех разные, поэтому и музыка получается разной. Это как с нуждой: позы похожи, но в деталях — огромная разница.

После короткой паузы снизу посыпались свист и аплодисменты.

Баобао тоже был потрясен. Как владелец бара, он немного разбирался в музыке. Он радостно хлопнул себя по бедру:

— Не думал, что у него есть таланты. Брат Цинь... Брат Цинь, что с тобой?

В его памяти Цинь Сун был ветренным повесой, но сейчас он смотрел на сцену затуманенным взглядом, полным невыносимой тоски. В этот момент на его лицо упали разноцветные лазерные лучи, взгляд стал глубоким и далеким, словно в нем бурлила сдерживаемая печаль, а в уголках глаз запрыгали едва заметные искорки.

Наверное, ему показалось.

Спустя какое-то время Цинь Сун хриплым голосом произнес:

— Когда он закончит, помоги... помоги пригласить его ко мне.

На сцене, после того как сложное соло потрясло всех, Бай Цзиньинь впал в замешательство. Только что произошедшее казалось нереальным, происходящим само собой, как будто он повторял это столько раз, что это вросло в кости.

Знакомые чувства накатывались волнами, но в голове ничего не всплывало.

Лишь когда кто-то внизу нетерпеливо крикнул:

— Красавчик, ты будешь петь или как? Мы ждем!

— Бай Цзиньинь вдруг вспомнил, зачем стоит здесь.

Песен, которые он помнил, было немного, в основном обрывки. Самой знакомой была всего одна. Раз он устраивался певцом, нужно было исполнить то, что получается лучше всего.

Бай Цзиньинь на мгновение задумался, затем, как в Мире Нежити, посмотрел в пустоту и запел:

— ABCDEFG, HIJKLMN, OPQRST... I CAN MY ABC.

Зрители внизу:

— ...

Ощущение было, будто на сцену вышла балерина для эффектного выхода, и ты ждешь высокого искусства, а она вдруг начинает танцевать янхэ.

В баре приходят развлекаться, слушать музыку, а «Песню ABC» пусть поют в детском саду, который налево и направо.

Ошарашенные на несколько секунд, люди пришли в себя и хотели возмутиться, но лишь открывали рты, не издавая звуков.

Эта «Песня ABC» была необычной.

Точнее, необычным был тот, кто ее пел.

Его голос не был ни хриплым и грубым, ни высоким и звонким, но в нем таилась странная, непередаваемая вибрация, бившая прямо в душу. Это было похоже на то, как если бы ты, растрепанный и с глазами, полными гноя, встал утром с кровати, спустился за завтраком и вдруг встретил свою первую любовь — в голове возникает полная дезориентация: «Е-мое, кто я? Где я?!»

«Песня ABC» была короткой, меньше минуты.

Бай Цзиньинь увидел выражение лиц зрителей и почувствовал, что его оценили.

В Мире Нежити он пел ее почти каждый день, но слушатели там были лишены самосознания, их уровень общения ограничивался кивком «YES» или «NO». Все продолжали копать ямы или патрулировать, не давая никакой отдачи.

Он никогда не знал, что пение может приносить такое удовольствие.

Не в силах сдержаться, Бай Цзиньинь включил режим повторения:

— ABCDEFG, HIJKLMN, OPQRST... I CAN MY ABC...

Зрители:

— ...

Краткая пауза, и зрители схватили пластиковые пепельницы, начали стучать ими по столам, грохоча как можно громче. Как бы хорошо это ни звучало, это все равно была «Песня ABC». Хоть бы «Интернационал» спел!

Баобао приложил все свои силы, чтобы его образ не рухнул тут же. Он подбежал к сцене, затащил Бай Цзиньиня вниз и сквозь зубы прошипел:

— Братан, ты специально травишь? Не говори только, что умеешь петь только эту песню.

Бай Цзиньинь нахмурился, высвободился и, подумав, честно ответил:

— Эту я пою лучше всего.

Баобао:

— ...

Если бы не жадный до денег Цинь Сун, он бы выгнал его немедленно.

— Ладно, об этом потом, — понизив голос, сказал Баобао. — Там есть спонсор, который тобой заинтересовался. Красивый, богатый, шанс редкий.

Бай Цзиньинь понял слова «богатый» и с радостью согласился.

Следуя за Баобао, он подошел к дивану, и в тот момент, когда его взгляд упал на Цинь Суна, Бай Цзиньинь замер.

Тот был в белой рубашке, рукава которой были закатаны до локтей. Пуговицы на груди, то ли сам расстегнул, то ли еще почему-то, были застегнуты только на три штучки, обнажая плавные линии грудных мышц. Он был очень красив, сочетая в себе дикую и свободную натуру. В руке он держал пустой бокал, о чем-то задумавшись, выглядел подавленным. Увидев Бай Цзиньиня, его взгляд вспыхнул жаром, словно две внезапно разгоревшиеся искорки, от которых хотелось невольно крикнуть: «Твои большие глаза, яркие и сверкающие, словно звезды на небе, самая яркая из них...»

Но так Цинь Сун виделся обычным людям.

Повелитель Скелетов Бай Цзиньинь видел гораздо глубже — до самых костей.

Кости были крупными и крепкими, череп округлым и прочным, а особенно ровный затылок — редкость. Если бы он превратился в скелет, то даже среди бывшей десятитысячной армии скелетов его можно было бы назвать красивым цветком.

Крепкий и эстетичный скелет всегда был лучшим выбором для личной охраны.

Бай Цзиньинь очень хотел подойти и потыкать, проверить, как он звучит.

Баобао с кисло-сладким видом представил их друг другу и молча удалился. По его многолетнему опыту в гей-тусовке, Цинь Сун, казалось, потерял голову, а Бай Цзиньинь — и говорить нечего, в глазах искры сыпались. Двое встретились как сухие дрова и пламя, а что будет дальше — пусть будет так. Как юность, постепенно уходящая в закат, это не удержать косметикой.